

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

**Статский советник
по делам обольщения**

Приключения баронессы Корф

Амалия – секретный агент императора

Валерия Вербинина

**Статский советник
по делам обольщения**

«Автор»

2015

Вербинина В.

Статский советник по делам обольщения / В. Вербинина —
«Автор», 2015 — (Амалия – секретный агент императора)

ISBN 978-5-699-78753-1

Баронесса Амалия Корф, секретный агент российского императора, только что вернулась из Парижа с успешно выполненного задания – ей удалось перехватить компрометирующие фотоснимки одного из министров, завязавшего неподобающие отношения с итальянской певицей Линой Кассини. Но этого оказалось мало, ведь Лина собирается в Петербург с гастрольями! Как предотвратить новые встречи высокопоставленного чиновника с любовницей? Амалия предложила простое решение – отвлечь внимание певицы на другого кавалера, на роль которого выбрали... ее дядюшку Казимира, известного ловеласа и сердцееда! Баронессе удалось достать приглашения на праздник в доме посла Германии, где должна была петь Лина. Но вечер неожиданно для всех закончился... убийством Михаэля Риттера, немецкого коллеги Амалии! И конечно, она первой попала под подозрение...

ISBN 978-5-699-78753-1

© Вербинина В., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава первая, о том, как жердь и колобок заключали взаимовыгодную сделку, которая, однако, завершилась совсем не так, как они рассчитывали	6
Глава вторая, в которой Амалия предлагает закрыть границу Российской империи, а потом ее ловят на слове	12
Глава третья, в которой зефирная принцесса понимает, что ввязалась в чертовски сложное дело	17
Глава четвертая, в которой дядюшка Казимир пьет пиво и закусывает маринованным имбирем, а баронесса Корф теряет дар речи	21
Глава пятая, в которой появляются дама с гепардом и дама без гепарда, а Казимир показывает себя самым бестолковым агентом на свете	28
Глава шестая, в которой перед Амалией маячит тень провала, а Казимир не испытывает угрызений совести	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валерия Вербинина

Статский советник по делам обольщения

© Вербинина В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава первая, о том, как жердь и колобок заключали взаимовыгодную сделку, которая, однако, завершилась совсем не так, как они рассчитывали

– Хи-хи!

– Хо-хо!

– Хе-хе!

– Ах, какая прелесть!

Таковыми замечаниями обменивались два господина средних лет, склонившиеся над столом, на котором лежали несколько фотографических снимков весьма и весьма любопытного содержания. Поскольку вы, мой благосклонный читатель, наверняка захотите в деталях узнать, что именно было изображено на photographиях, я буду совершенно откровенна: на них фигурировали не цветы, не птицы, не кошки, не собаки и даже не парижские улицы, где сидящие за столом бывали так часто, как этого требовали их интересы.

Господина, который в данный момент находился слева, звали Альбер Пино, и по профессии он фотограф. Если бы вам посчастливилось жить в 80-х годах девятнадцатого века и вы столкнулись бы с нашим героем на улице, я могу вам гарантировать: вы бы не скоро забыли обладателя столь удивительной внешности. Пино был чрезвычайно высок и несуразно тощ, с длинными руками, впалыми щеками и орлиным носом, который как будто попал на его лицо с профиля какого-то совсем другого человека. Глаза у фотографа были почти черные, так что казалось, зрачок сливается с радужкой. Свои темные волосы, уже начавшие редеть, Пино расчесывал на идеальный пробор, одежду заказывал у лучшего портного и вообще заботился о том, чтобы выглядеть как можно лучше (хотя кое-кто и вправе мог счесть, что при таких внешних данных Альберту не стоило вообще так утруждать себя).

Сидящий справа от фотографа господин был полной его противоположностью. Если бы вы встретили мсье Эвариста Галлена, он показался бы вам настолько заурядным, что вы бы забыли о нем еще до того, как он скрылся из виду. В Пино, то ли вследствие его профессии, то ли по какой иной причине, все же проскальзывало нечто артистическое; что же касается Галлена, то он выглядел как типичный самодовольный буржуа. Он был приземист, с объемистым брюшком, на котором тускло сверкала золотая цепь, и рыжеватыми щетинистыми усами. Кроме них, на широком лице Галлена, подпертом тремя подбородками, не имелось ровным счетом ничего примечательного. Для полноты картины упомяну холодные водянисто-серые глаза, нос картошкой и несколько резко прочерченных морщин, которые только одним своим видом давали понять, что их хозяину палец в рот не клади – оттяпает вместе с рукой, а то и с обеими руками. И в самом деле, в кругу своих знакомых Галлен слыл человеком, который не только своего не упустит, но и чужое при этом прихватить не побрезгует.

– А он, однако, шалунишка, этот мсье, – протянул Галлен, разглядывая фотографии, и хищно осклабился. – Какова поза, а? – добавил он, повернув к собеседнику один из снимков и ткнув в него пальцем.

Пино вовсе не считал себя ханжой, но при этих словах ему показалось уместным покраснеть, что он и сделал.

– О! Мсье Галлен...

– Видны даже некоторые попытки проявить фантазию, – продолжал, адски ухмыляясь, безжалостный колобок. – Особенно в моменте, когда этот вельможа пытается напялить себе на голову кружевные панталоны своей пассивности.

Тут Пино не выдержал и расхохотался:

– Смотрите дальше, там не только это...

– Неужели? Гм, гм... Поразительно, сколько веков люди пытаются изобрести что-то новое в этой области, но если взглянуть на их выдумки непредвзятым, так сказать, взглядом...

– Хи-хи!

– Хо-хо!

– Ха-ха-ха!

– А он ведь наверняка считает себя ого-го каким молодцом, – вздохнул Галлен, закончив просмотр фотографий и укладывая их на стол. – Вы уверены, что ваших манипуляций в спальне этой дамы никто не заметил?

– Никто! – с жаром вскричал Пино, прижимая к сердцу худую костистую руку. – Право, мсье Галлен, вы меня обижаете... Мы же не в первый раз работаем с вами вместе! А идея со шкафом оказалась просто великолепной...

– Могу себе представить физиономию российского императора, когда он узнает, в какую историю вляпался один из его сановников, – с притворной грустью проронил Галлен. – Негативы у вас с собой?

– Разумеется, как мы и договаривались... Вот они.

Галлен одобритительно кивнул:

– Вы на славу потрудились, мой дорогой Пино. Поэтому справедливость требует, чтобы я вас вознаградил.

Он поднялся и подошел к висящей на стене очаровательной картине Фантен-Латура¹, изображающей букет сирени в прозрачной вазе. Зная, что Галлен не любит, когда на него смотрят в этот момент, Пино отступил к окну и сделал вид, что рассматривает сад. Хозяин дома кинул быстрый взгляд через плечо и открыл сейф, помещавшийся в стене под картиной.

Когда Пино вновь повернулся, на столе лежала увесистая пачка денег, а фотографий и негативов след простыл. Улыбаясь, Галлен вернул картину на место.

– Вот и все, – сказал хозяин дома.

– С вами чертовски приятно иметь дело, – не удержался Пино, пряча деньги. Считать их он не стал – по своим прошлым махинациям с Галленом фотограф знал, что тот никогда не станет надувать сообщника, который не попытается обмануть его самого. Даже у мошенников есть свой кодекс чести; проблема лишь в том, что он распространяется лишь на крайне ограниченный круг людей.

– Могу сказать то же самое о вас, мой дорогой Пино, – отозвался Галлен спокойно. – Хотя я и не верю в дружбу, любовь и прочую чепуху, о которой пишут романисты, все же с удовольствием выпью за дружбу с вами. Идемте. Антуанетта, должно быть, уже накрыла на стол.

Они перешли в столовую, где служанка заканчивала расставлять бокалы. Пино поглядел на нее и вздохнул. Она была старая, кособокая и хромая, а бородавок на ее лице было больше, чем звезд на небе. Фотограф не мог взять в толк, почему Галлен, который благодаря темным делишкам, которые он обтяпывал, имел доход больше, чем какой-нибудь герцог, держал у себя это уродливое создание.

– Можете идти, Антуанетта, – распорядился хозяин дома. – Дальше мы справимся сами.

– Сегодня хорошая погода, – невпопад ответила служанка.

– Антуанетта! – Галлен повысил голос. – Ступайте!

«Пародия на женщину» – как про себя определил Пино старую служанку – низко поклонилась, трясая головой, и заковыляла к дверям.

– Должен вам признаться, – не удержался фотограф, – я не совсем понимаю... – Он оборвал себя и поморщился. – Впрочем, это, конечно, ваше дело...

---

¹ Анри Фантен-Латур (1836–1904) – французский художник, мастер натюрмортов и автор известных портретов, по матери русский.

Галлен, мельком взглянув на него, переключился на стоящую на столе бутылку, с которой бережно стряхнул остатки пыли.

– Шампанское наполеоновского времени, – негромко пояснил он. – Не Наполеона Третьего, заметьте, а Первого...

– Бог мой! – Пино подпрыгнул на стуле. – Но ведь оно стоит огромных денег!

– Разумеется, мой дорогой друг, – усмехнулся хозяин дома. – Стал бы я поить вас каким-нибудь дрянным винишком...

Негромко хлопнула пробка. Забыв обо всех служанках на свете, Пино жадно следил за тем, как шампанское, почти не пенясь, лилось в высокий, стройный, как балерина, бокал.

– Ну что, дорогой мсье Пино, за нас...

– За нас!

Звон бокалов, легкая пауза, заполненная разве что одобрительным причмокиванием.

– Восхитительно!

– Совершенно ни на что не похоже!

Глаза у мошенников заблестели. В эти мгновения «жердь» и «колобок», с такой легкостью разрушавшие чужие судьбы, казались почти похожими на обычных людей.

– Так вот, по поводу Антуанетты, – начал хозяин дома, глядя сквозь бокал на окружающую их мебель палисандрового дерева. – Я уже давно заметил, что она вам не нравится.

После глотка такого шампанского Пино был готов простить своему сообщнику не только Антуанетту, но и весь сонм смертных грехов, а также бессмертных. Однако фотограф пересилил себя и попытался придать лицу заинтересованное выражение.

– Дорогой Галлен, не думаю, что я имею право... И вообще, мне трудно представить себе мужчину, которому бы могла понравиться... гм... подобная особа.

– Она служит у меня двенадцать лет, – продолжал Галлен, не обращая никакого внимания на неуклюжую попытку собеседника оправдаться. – Конечно, когда я увидел ее впервые, я подумал примерно то же самое, что думает любой мой посетитель, который приходит в этот дом. Но у нее оказались превосходные рекомендации, и я решил ее испытать. Может быть, мне просто стало любопытно, как долго я смогу выдерживать рядом с собой столь непривлекательное существо. В конечном счете, – Галлен шевельнулся и потянулся за бутылкой, чтобы снова разлить шампанское по бокалам, – Антуанетта оказалась самой лучшей служанкой на свете. Это идеальная прислуга, о которой все только мечтают, но никак ее не найдут. Говорящий цепной пес, – без малейшего намека на улыбку пояснил он.

– Э... – в некотором замешательстве протянул фотограф.

«Уж не спал ли он с ней?» – мелькнуло у Пино в голове.

– Вы и сами знаете, с какими трудностями нам приходится сталкиваться в нашей профессии, – спокойно продолжал Галлен. – Не раз Антуанетту пытались подкупить, не раз уговаривали ее навредить мне, но она никогда меня не предавала. Видите ли, из-за своей внешности она не слышала от людей ни одного хорошего слова. Я был единственным, кто отнесся к ней по-человечески, и она привязалась ко мне, как собака. В прошлом году, когда префект приказал устроить у меня обыск под совершенно надуманным предлогом, Антуанетта ухитрилась не пустить сыщиков в дом, пока я не сжег все бумаги... Сейчас, конечно, она постарела и стала плохо слышать, но, уверяю вас, я все равно не променяю ее на дюжину самых хороших горничных Франции.

«Господи, да он поэт!» – в смятении помыслил Пино. От бесподобного шампанского фотографа охватило ощущение, что ему море по колено, он едва удержался, чтобы не похлопать собеседника по плечу, к чему Галлен наверняка отнесся бы крайне неодобрительно. – Кто бы мог подумать!»

– В нашем деле, – промямлил Пино, чувствуя, что от него требуется поддержать беседу, – преданность важнее всего!

Галлен скользнул взглядом по раскрасневшемуся лицу собеседника и подумал, что его сообщник совершенно не умеет пить и, стало быть, можно было вообще не делиться с ним драгоценным шампанским, и уж тем более – не изливать душу и не объяснять, почему он, Галлен, согласен терпеть возле себя только старую уродливую Антуанетту, и никого более.

«Бьюсь об заклад, он решил, что у меня с ней что-то было... Осел!»

В бутылке еще оставалось немного шампанского, и, когда джентльмены допили его, молчание в комнате стало совсем ледяным. Впрочем, Пино ничего не заметил.

– Я провожу вас, – сказал Галлен, поднимаясь с места.

Вы не поверите, но факт остается фактом: хотя высокий тощий Пино двигался широкими шагами, колобок-Галлен не отставал от него. Причем человеку, не посвященному в истинное положение дел, могло показаться, что это Галлен идет впереди, а Пино покорно следует за ним.

Впрочем, так было ровно до того момента, когда два сообщника вновь оказались в гостиной и увидели нечто ужасное. А именно: картина Фантен-Латура была содрана со стены, сейф распахнут настежь. В нем по-прежнему лежали пачки денег и мешочки с золотыми монетами, но то, что было дороже любых денег, – драгоценные фотографии и негативы, на которых некий вельможа весьма тесно общался с некой известной певицей, бесследно исчезли...

– Антуанетта! – взвыл хозяин дома. – Антуанетта!

И вслед за тем он кинулся на того, кого несколько минут назад признал своим почти что другом, опрокинул Пино на пол и стиснул его горло. Но, по правде говоря, разве не чем-то подобным рано или поздно заканчивается практически любая дружба?

– Это ты? – заревел Галлен, багровея. – Ты их украл? Говори!

– Вы с ума сошли? – прохрипел Пино, пытаясь разжать его пальцы. – Я же все время был с вами! Пу... Пустите, вы меня задушите!

Галлен ослабил хватку, и фотограф, кашляя, сел на полу и стал растирать шею.

– Антуанетта! Черт подери, где эта?..

От мощного непечатного ругательства в комнате сгустился воздух, и даже нежные сирени на картине, казалось, вздрогнули.

– Вот вам и цепной пес, – негромко, но все же так, чтобы его расслышали, промолвил Пино. – Идеальная служанка на свете, тоже мне! Небось украла фотографии и сбежала, пока мы смаковали шампанское...

– Она не могла! – отчаянно выкрикнул Галлен. – Антуанетта служила у меня столько лет...

– А в конце концов решила послужить себе, – отозвался мстительный фотограф. – Что тут такого?

Нет ничего страшнее, чем зрелище мошенника, обласованного теми, кому он неосмотрительно доверился. Хозяин дома взглянул на Пино так, что тот прикипел к месту, и кинулся искать служанку.

– Антуанетта! Антуанетта!

Дом, расположенный в парижском пригороде, конечно, уступал по величине какому-нибудь замку, но это все же был дом, и довольно внушительный. К тому моменту, когда Галлен осмотрел все комнаты, ему окончательно стало ясно, что Антуанетта исчезла, причем исчезла бесследно.

Внизу в холле он столкнулся с Пино.

– Какого черта вы тут делаете? – напустился на фотографа хозяин дома.

– Я услышал в саду какой-то шум и пошел посмотреть, – объяснил Пино.

Галлен прислушался и, различив доносящиеся снаружи приглушенные крики, пулей вылетел в сад.

Пробежав несколько метров, он едва не врезался в женщину, которая лежала поперек дорожки, связанная по рукам и ногам, с кляпом во рту, и все же при этом ухитрялась кричать.

– Антуанетта! – вскричал хозяин дома и принялся развязывать ее. – Кто они? Что они с вами сделали?

Охая и причитая, служанка рассказала, что вчера ее похитили какие-то люди, когда она пошла за провизией...

– Вчера? – вытаращил глаза Пино.

И они держали ее в каком-то запертом помещении, а потом привезли в карете сюда и уехали, а еще кто-то вышел из дома и сел в карету до того, как она уехала, и Антуанетте показалось, что это была женщина...

– Все ясно! – вскричал Галлен вне себя. – Это были не вы!

– Конечно, не я! – отозвалась служанка с обидой. – Я же говорю вам, меня похитили, и все из-за ваших пакостных делишек!

– Это не вы были в доме вчера вечером и сегодня! О, боже мой! – Галлен заломил руки. – Сейф... фотографии... миллионное дело! Такие дела случаются только раз в жизни... И все сорвалось!

– Послушайте, – начал Пино, оправившись от изумления. – Я, конечно, допускаю... Грим, и все такое... Хромоту можно изобразить, кособокость – допустим, какие-то накладки под одеждой... Но вы! Вы же видели настоящую Антуанетту каждый день! Как, как вы могли не заметить подмену?

– Да какого дьявола я должен был в нее вглядываться? – завопил Галлен. Его рыжеватые усы, и те стояли дыбом от ярости и разочарования. – Делать мне больше нечего!

Тут Антуанетта учуяла, что ее хотят оскорбить, и возмутилась:

– Ах так? Ну вы и подлец! Да я... Да я сейчас же пойду к префекту! Я ведь все про вас знаю, все знаю о том, чем вы занимаетесь... да как вы свои делишки обтяпываете... да кто вам помогает! Посмотрим, что с вами сделает префект и разные другие господа, которые давно хотели бы оторвать вам голову, да только у них самих духу на это не хватит, у них кишка тонка...

– Антуанетта, успокойтесь!

– Да не буду я успокаиваться! И о тебе, жердина, тоже все расскажу... Как ты в спальни пролезаешь и дырочки в стенах проверяешь... и как ты для последнего дела особый шкаф заказал, будто бы в подарок! Шкаф якобы с зеркалом, а на самом деле там не зеркало, а только кажется. А шкаф для того, чтобы тебе там прятаться и оттуда гадости всякие снимать...

– Антуанетта! Антуанетта! Умоляю вас... О боже мой! – С отчаянием на лице Пино обернулся к сообщнику: – Какого черта вы рассказали ей про шкаф? Удружили, нечего сказать!

– Я ничего ей не рассказывал! – оправдывался сконфуженный Галлен. – Мы при ней говорили... Я думал, она глухая...

– Я глухая? – взвизгнула старая ведьма. – Сам ты глухой! Да я и в семьдесят лет буду лучше выглядеть, чем ты в сорок! Моя бабка до ста трех годков дожила, в своем уме и твердой памяти, вот так-то!

Пока в саду шла эта колоритная перебранка, неприметного вида карета бойко катила по направлению к парижскому вокзалу, а лже-Антуанетта, сидевшая в карете, мало-помалу возвращала себе первозданный вид.

Она сняла седой парик, избавилась от фартука и подушечек, меняющих фигуру, после чего принялась стирать грим. Исчезли бородавки и морщины, пропали старческие пятна на руках, словно по волшебству распрямился крючковатый нос. Морщась, дама вытащила изо рта накладные челюсти, имитирующие старые желтые зубы, а также ватные тампоны, меняющие очертания лица, и набросила на себя приталенное пальто на шелковой подкладке.

Из зеркала на нее смотрела молодая, хорошенькая и чрезвычайно самоуверенная особа с белокурыми волосами и золотисто-кариими глазами, в которых плясали задорные искорки. Вспомнив о проделке, которая только что блистательно ей удалась, плутовка не удержалась и послала своему отражению воздушный поцелуй.

Через несколько минут все та же молодая элегантная дама с небольшим чемоданчиком и муфтой в руках стояла возле кассы вокзала. И я со всей ответственностью заявляю, что если бы даже Пино и Галлену каким-то образом посчастливилось догнать мою героиню, они бы ни за что не признали старую уродливую служанку в этой очаровательной особе, явно принадлежащей к лучшему светскому обществу.

– Один билет на ближайший Северный экспресс, – сказала незнакомка. – До Петербурга, пожалуйста.

Глава вторая, в которой Амалия предлагает закрыть границу Российской империи, а потом ее ловят на слове

– Должен вам заметить, Амалия Константиновна, – сказал генерал Багратионов, – что вы чрезвычайно рисковали.

– Нет, не рисковала, – спокойно возразила его собеседница.

– Не нет, а как раз таки да! И чем, скажите на милость, вам не понравился мой первоначальный план – ворваться в дом, когда пакостник-фотограф будет передавать сообщнику фотографии нашего министра, связать его и хозяина дома, завладеть снимками?

Амалия едва заметно поморщилась. Она уважала генерала, который возглавлял Особую службу – секретное подразделение императорской разведки, занимавшееся самыми сложными и щепетильными делами, но иногда баронессу Корф все же слегка корбило от прямолинейности ее начальника.

– К чему прибегать к открытому насилию, да еще на чужой территории? Разразился бы скандал, Галлен подключил бы все свои связи, чтобы отомстить нам, и не исключено, что нашего посла в Париже вызвали бы для объяснений на самый верх...

– Это не имело бы никакого значения, коль скоро фотографии все равно были бы у нас, – отрезал Багратионов. – Вы, Амалия Константиновна, по-видимому, не отдаете себе отчета в том, что иногда демонстрация силы является тактически выгодной – несмотря на все кажущиеся неудобства, которые она за собой влечет. Когда у вас хватает духу поставить себя выше над некоторыми условностями...

– Вроде законов? – мягко осведомилась баронесса Корф, и в глазах ее сверкнули золотые искры.

– Пусть даже так. Потому что противоположная сторона сразу же схватывает самое главное: что с вами шутки плохи. Иногда, милостивая сударыня, самая лучшая дорога – путь напролом, даже если он кажется куда менее изящным, чем окольные тропинки.

– Полагаю, те, кому это небезразлично, уже и так поняли, что с нами шутки плохи, – отозвалась Амалия рассудительно. – А что касается вашего плана, то он подразумевал вовлечение множества людей. Невозможно просто так войти в частный дом и застать врасплох всех, кто там находится. Вам известна моя точка зрения, что чем больше народу посвящено в дело, тем выше вероятность утечки информации и последующего провала...

Багратионов вздохнул. Он хорошо знал Амалию и еще лучше знал, что спорить с ней бесполезно, особенно в тот момент, когда она все равно поступила по-своему и добилась своего. В глубине души Петр Петрович не мог не признать, что его подчиненная разобралась с ситуацией на редкость красиво и иронично, но его сердило, что она даже не удосужилась поставить его в известность о своих намерениях.

– Поэтому вы всегда предпочитаете действовать в одиночку, – заметил он на слова Амалии. – Не так ли?

Его собеседница пожала плечами:

– Да, насколько это позволяют обстоятельства. В данном случае мне представилась редкая возможность, и я решила ею воспользоваться.

– И все-таки почему вы были уверены, что Галлен не заметит подмены? – не удержался и спросил Багратионов.

– Во-первых, я постаралась принять все меры против разоблачения: я следила за Антуанеттой, выучила ее повадки и манеру речи. Во-вторых, если быть откровенной, для него она вряд ли была человеком в обычном смысле. Многие люди воспринимают свою прислугу точно

так же, как стол или стул, – пояснила Амалия. – А с мебелью самое главное – чтобы она занимала прежнее место и выглядела точно так же, как и вчера.

Хотя Петр Петрович Багратионов был человеком бывалым, тут он все же от неожиданности поперхнулся.

– Гм, Амалия Константиновна... Должен вам признаться... Кхм! – Он прочистил горло. – Полагаю, нет смысла больше обсуждать это дело. Фотографии у нас, негативы – тоже, мсье Пино получил хороший урок и в следующий раз крепко подумает перед тем, как залезать в зеркальный шкаф в чужой спальне и делать оттуда срамные фотографии... Насчет французской полиции мы тоже можем быть спокойны: Галлен туда не обратится. Одним словом, все было бы хорошо, но...

Лоб его прорезали три широкие морщины, густые брови шевельнулись, хмурясь.

– Да, – продолжал Багратионов, машинально поправляя стальное перо в чернильном приборе, которое осмелилось отклониться от намеченной линии. – Беда в том, что все только начинается. Конечно, пока нам удалось избежать колоссального скандала, который поднялся бы, если бы фотографии попали не в те руки. Но тем не менее... Тем не менее...

– Вас что-то беспокоит, Петр Петрович? – напрямик спросила Амалия.

– Лина Кассини, – горестно молвил генерал. – В среду она приезжает в Петербург.

Амалия вскинула брови. Дело в том, что итальянская дива Лина Кассини была как раз той самой особой, чьи кружевные панталоны российский министр напяливал себе на голову в ее же спальне.

– Но... Петр Петрович!

Больше моя героиня не нашла что сказать.

– У нее ангажемент, она будет петь на сцене, – горестно продолжал Багратионов, поправляя теперь колокольчик, который стоял чуть правее, чем надо. – Вот такая вот петрушка, Амалия Константиновна!

Генерал был так расстроен, что даже не обратил внимания на просторечный оборот, использованный им в беседе с дамой.

– Петр Петрович, но ведь министр...

– Да знаю я! – нервно выкрикнул Багратионов. – Министр в Петербурге и собирается продолжать встречи со своей... своей пассией. Он уже обратился к парикмахеру Жану, чтобы тот покрасил ему седину, – мстительно добавил всезнающий начальник Особой службы.

– Петр Петрович, – решительно сказала Амалия, – это необходимо прекратить. Я имею в виду интрижку министра и певички.

– Вам хорошо говорить, Амалия Константиновна, – вздохнул Багратионов, откидываясь на спинку кресла. – Я и сам знаю, что для блага империи их роман может оказаться крайне опасен. Однако у меня связаны руки.

– Но вы можете обратиться к министру и рассказать ему о... – начала Амалия и осеклась.

Генерал скривился так, словно у него заболели все зубы разом.

– В том-то и дело, что не могу. Министр воображает, что он чрезвычайно ловко все устроил и о его романе с Линой никто не знает. Заметьте, император всецело ему доверяет, и если я сделаю хоть один неосторожный шаг, мне несдобровать. Это во-первых. А во-вторых, что касается этих фотографий... Что вы мне предлагаете, Амалия Константиновна? Прийти к министру и с умным видом подать ему конверт, а потом красочно расписать, какие беды обрушатся на Российскую империю в случае скандала? Да вы хотя бы представляете себе, что министр сделает с человеком, который видел, как он резвится с этой дамочкой? Вот и я не представляю, но чертовски не хочу испытывать это на себе.

– Да, – поразмыслив, согласилась Амалия. – Мы оказались в крайне сложной ситуации.

– Я уже обдумывал ее и так и этак, – в порыве откровенности признался Багратионов. – И всякий раз получается, что мы не можем использовать фотографии, чтобы образумить мини-

стра. Мы даже намекнуть ему не можем, в какое неловкое положение он поставил всех нас. Так что мне пришлось срочно посылать вас в Париж с приказом во что бы то ни стало завладеть снимками. Поэтому придется придумать что-нибудь еще, чтобы заставить министра расстаться с Линой.

– Мы можем просто закрыть границу, – предложила Амалия. – Не пускать ее в страну.

– Нет, – тяжелым голосом ответил Багратионов. – Потому что это срыв ангажемента, она обратится к министру за помощью, тот узнает, что за приказом стою я, потребует объяснений, и начнется черт знает что. Нет, мы никак не можем помешать Лине приехать сюда.

– Тогда, – объявила баронесса, – нужно сделать так, чтобы министр сам ее бросил. Или наоборот: чтобы она бросила его.

Тут Багратионов покосился на Амалию весьма иронически.

– Амалия Константиновна, я старый циник и скажу вам вот что: мужчину с таким доходом просто так бросать не станут. Тем более такая особа, как Лина Кассини, которая вышла из нищеты и хорошо умеет считать деньги.

– Она молодая красивая женщина, – возразила Амалия. – Как бы она ни любила деньги, его самого она все равно не любит. Вот на этом и надо попытаться сыграть.

Багратионов вздохнул и в задумчивости поскреб подбородок.

– Надо же, просто поразительно, как мы с вами одинаково мыслим, – как бы между прочим проронил он. – Должен вам признаться, что я уже отправил на задание кое-кого из наших агентов.

– О! И кого же?

– Выбор людей у нас невелик, сами знаете, – отозвался Петр Петрович туманно. – На тот момент был свободен только Антон Филиппович Непомнящий.

Тут Амалия почувствовала, что начинает сердиться. Она хорошо знала агента Непомнящего и была о нем крайне невысокого мнения. Не то чтобы он был ленив, небрежен, любил выпить или тратил почем зря казенные деньги. Вовсе нет – он был усерден, исполнитель, не увлекался выпивкой и был бережлив с чужими деньгами, как со своими собственными. Однако все эти похвальные качества ничего не значили по сравнению с тем прискорбным фактом, что Непомнящий категорически не подходил для работы в Особой службе. В каждой профессии встречаются люди, которых занесло в нее непонятно как, хотя сами они совершенно к ней не приспособлены и на своем посту не могут принести ничего, кроме вреда; так вот, точно таким человеком и был Антон Филиппович. Если бы поручали ему что-нибудь, вы могли быть уверены, что либо он не справится, либо справится с делом так, что лучше бы он просто его провалил. Если бы речь шла о ком-то другом, то Багратионов уже давно уволил бы его, но за Непомнящим маячил силуэт его тетки, бывшей фрейлины покойной императрицы, а у тетки при дворе сохранились обширные связи. Генералу приходилось терпеть нерадивого агента, как терпят в любимой комнате некрасивые обои, сменить которые нет ни времени, ни сил.

– Петр Петрович, – возмутилась Амалия, – но агент Непомнящий не смог бы соблазнить даже устрицу, не говоря уже об итальянской диве!

И тут впервые за все время их разговора генерал позволил себе улыбнуться.

– Амалия Константиновна, устриц не соблазняют, – парировал он. – Устриц едят.

– Пусть так, но Антон Непомнящий – и Лина Кассини! Это же просто смешно! После всех богачей, графов и принцев, которые у нее были... Да дело даже не в них! Вы ведь представляете себе Антона Филипповича?

– Разумеется, поскольку он мой подчиненный, – не без иронии отозвался собеседник баронессы.

– Ну так вот, я как женщина ответственно вам заявляю: ни одна дама всерьез таким, как он, не увлечется, – решительно заявила Амалия. – Потому что он – мямля! Потому что он растяпа! Потому что он ведет себя как тряпка! Потому что...

– Амалия Константиновна!

– Он похож на манную кашу! Петр Петрович, разве можно влюбиться в манную кашу? Нет и еще раз нет! Будь на его месте кто-нибудь другой... не манная каша...

– А гречневая, – сострил генерал.

– Петр Петрович, я вовсе не об этом! Просто Антон Филиппович совершенно не подходит для этого дела! Любой другой человек... Даже мой дядюшка, к примеру, и то сумел бы добиться большего, если бы оказался на его месте!

Генерал Багратионов заинтересованно выгнул бровь. По долгу службы он имел досье на большинство родственников своих агентов, но нельзя сказать, чтобы он держал их всех в голове. По правде говоря, он почти запамятовал, что у Амалии есть какой-то там дядюшка.

– Что же заставляет вас так думать? – спросил Петр Петрович с любопытством.

– По крайней мере, – отозвалась Амалия, не подозревая, какие последствия будут иметь ее слова, – мой дядя знает, как находить подход к женщинам!

– А, – развеселился генерал, – так он дамский угодник!

– Можно сказать и так, – ответила его собеседница, уже жалея, что вообще завела разговор о своем непутовом дядюшке Казимире. – Думаю, ваша идея отвлечь Лину Кассини, подослав к ней другого мужчину, и тем самым подтолкнуть ее к разрыву с министром была совершенно правильной. Но идея – это одно, а ее практическое воплощение – совсем другое. При всем моем уважении к Антону Филипповичу, такая задача ему не по плечу. Может быть, имеет смысл послать вместо него другого агента?

– У меня никого нет на примете, – вздохнул Багратионов. – Щеголев застрял в Португалии в связи с... Впрочем, вам это знать совершенно не нужно. Краснов еще не вернулся из Багдада. Есть, правда, Ломов, и он только что освободился...

– О, нет! – вырвалось у Амалии. – Только не Ломов!

– Вполне согласен с вами, – заметил генерал, пряча улыбку в усы. – Он нам подходит еще меньше, чем Непомнящий. На всякий случай я все же решил попытаться и намекнул Ломову, где именно нам могут понадобиться его услуги. Он же в своей неповторимой манере ответил мне, что проще прикончить Лину Кассини, и дело с концом. Должен признаться, что некоторое время я обдумывал его предложение, потому что от сумасшедших поклонников ни одна звезда не застрахована...

Амалия поежилась. Ей совершенно не нравился оборот, который принимал разговор.

– Но поскольку вы предложили альтернативное решение, – продолжал меж тем Багратионов, – я, пожалуй, предпочту его.

В первое мгновение баронесса Корф подумала, что ослышалась.

– Решение? Я?

– Разумеется, милостивая сударыня. Вы высказали мысль, что ваш дядюшка, который кое-что смыслит в женщинах, может справиться с задачей вместо Антона Филипповича. – Тут, признаться, Амалия прикипела к месту, а Петр Петрович невозмутимо продолжал: – Поскольку он ваш родственник и это, так сказать, будет разовое поручение, я полагаю, вы сами сумеете его уговорить. Больших денег я обещать не могу, но все, что в моих силах, сделаю непременно. За понесенные им в ходе, гм... обольщения расходы отчитаетесь вы, по общепринятой форме.

У Амалии было такое чувство, словно она только что шла по мирной идиллической долине, и вдруг прямо под ее ногами разверзлась бездонная пропасть. Однако моя героиня все же сделала попытку удержаться на ее краю.

– Но, Петр Петрович... Если мой дядя сочтет для себя невозможным... или если он откажется...

– Тогда, – сказал генерал без всякой улыбки, – мне, очевидно, придется взять на вооружение план Ломова. – Он заметил выражение лица Амалии и добавил: – Поймите, госпожа

баронесса, речь идет не о красоте, распевавшей грошовой песенки, которая охмурила лицо государственной важности. Речь идет – в конечном итоге – о спокойствии всей Российской империи. Я ничего не имею против Лины Кассини, мне она совершенно безразлична, но из-за ее интрижки мы уже один раз едва не погорели, и если бы не ваша находчивость, то сами знаете, что бы произошло. Я не допущу, чтобы инцидент с фотографиями повторился и чтобы постельные утехы сами знаете кого с этой потаскушкой повредили нашей стране. Мы окружены врагами, Амалия Константиновна, и не можем позволить себе расслабляться. Я надеюсь, вы понимаете это так же хорошо, как и я, госпожа баронесса.

Амалии не хотелось отвечать, и она ограничилась тем, что кивнула. Однако кое-что было необходимо уточнить до того, как она покинет этот просторный кабинет с портретом Александра Третьего на стене.

– Если мой дядя согласится... – Она сделала над собой усилие и продолжала: – Боюсь, он не вхож в те круги, в которых будет вращаться Лина Кассини после своего приезда в Петербург. Я хочу сказать, что прежде всего их надо будет... – Она проглотила отдающее неприятным душком слово «свести» и почти умоляюще закончила: – Познакомить.

– Разумеется, разумеется, – рассеянно кивнул генерал, оглядываясь на часы. Всего через две минуты к нему должен был явиться очередной посетитель. – Я дам Ломову надлежащие инструкции. Он будет вам помогать, а вы, пожалуйста, согласуйте с ним свои действия.

– Это значит, что, если у моего дяди ничего не выйдет, Ломов ее убьет? – с вызовом спросила Амалия.

– Почему непременно Ломов? – пожал плечами Багратионов. – У Лины Кассини драгоценности, которые известны на всю Европу, а народ у нас в стране бедный. Влезут, к примеру, воры в номер, чтобы завладеть украшениями, а хозяйка возьми да проснись, ну и пришлось ее... того-с. Или опять же, сумасшедший поклонник – хотя это вариант посложнее, не может же он появиться из ниоткуда, его надо будет тщательно подготовить...

У Амалии заняло под ложечкой. Она коротко попрощалась с генералом и удалилась, шурша платьем палевого шелка.

Глава третья, в которой зефирная принцесса понимает, что ввязалась в чертовски сложное дело

До среды, когда Лина Кассини должна была прибыть в Петербург, оставалось всего два дня, и баронесса Корф понимала, что действовать придется без промедления. Прежде всего она решила навестить Сергея Васильевича Ломова и обсудить с ним кое-какие детали.

Если агент Непомнящий являлся просто растяпой, то с Ломовым дело обстояло куда хуже. Это был тугодум, но тугодум опасный. В Особой службе он был известен тем, что в любой ситуации, требовавшей немедленного решения, высказывал одно и то же предложение:

– Да что там думать? Пришить подлеца, и все дела!

Или:

– Об чем речь-то? Кокнуть дамочку, и всё тут...

Даже когда его сослуживец, который по работе слишком часто выезжал один за границу и вследствие этого пережил крушение своего брака, решил развестись и спросил совета Ломова, Сергей Васильевич и тут остался верен себе.

– Да что ты переживаешь-то? Замочить ее без всяких разводов, и дело с концом...

Если бы Ломов, так сказать, оставался всего лишь теоретиком, то он, скорее всего, был бы просто смешон и мало кто стал бы с ним считаться; но в том-то и дело, что теория у него не расходилась с практикой, и если доходило до воплощения его идей в жизнь, он даже ни мгновения не колебался. Он убивал холодным оружием, огнестрельным, с помощью веревки, камня, яда, чего угодно, и Амалия на всю жизнь запомнила, как Ломов, посмеиваясь, рассказывал ей, как однажды в Кабуле он убил двух английских агентов голыми руками – при том, что его враги были вооружены и вовсе не собирались задешево отдать свои жизни. И хотя Амалия недолюбливала Ломова, она отлично отдавала себе отчет в том, с кем ей придется иметь дело.

Сергей Васильевич проживал в собственном доме, который по бумагам будто бы достался ему в наследство от дальней родственницы, а на самом деле был куплен на честно заработанные в Особой службе деньги. Тут следует отметить, что по тем же бумагам Ломов числился всего лишь майором в отставке, получающим довольно скромную пенсию. Прислуги Сергей Васильевич не держал, за исключением старого неразговорчивого денщика, который находился при нем уже лет тридцать.

Подъехав к дому, Амалия окинула его взглядом и вздохнула. По ее мнению, жилище Ломова в некотором роде походило на своего хозяина: оно находилось на отшибе и миру являло вид обшарпанный и нелюдимый. Скользя взглядом по желтым стенам и покосившимся ставням, подумаешь о том, что тут доживает последние дни какой-нибудь старый, всеми забытый холостяк, и тотчас же о нем забудешь. Однако от Амалии не укрылось, что при ее появлении в окне второго этажа колыхнулась и тотчас же вернулась в прежнее положение коричневая бархатная портьера.

Дверь отворилась прежде, чем баронесса успела постучать, и денщик, не говоря ни слова, провел Амалию в гостиную, где на стенах висело множество образцов холодного оружия, в основном восточного. Ломов поднялся с кресла ей навстречу.

Сергею Васильевичу было около пятидесяти лет, и на первый взгляд он полностью соответствовал своей легенде скромного майора в отставке. О его внешности можно сказать лишь то, что в многолюдной толпе вы вряд ли обратили бы на него внимание, а если бы и обратили, то отметили бы лишь насупленный вид, темные волосы с проседью, кустистые брови, усы щеточкой и красный нос человека, который не чужд выпивки. Мало кто знал, что Ломов может выпить сколько угодно, не пьянея, и что он может не спать несколько суток подряд, причем это никак не отразится на его работе. Обыкновенно ему поручали самые опасные, самые

грязные дела, где не требовалось особой смекалки, и Амалия, которая никогда не любила действовать прямолинейно, поймала себя на мысли, что Ломов ей антипатичен. В том, что и она ему антипатична, она даже не сомневалась. Сергей Васильевич не любил женщин, подвизающихся в Особой службе, особенно таких, как Амалия, с которыми он чувствовал себя не в своей тарелке. Однако сейчас ему приходилось изображать из себя гостеприимного хозяина, и Ломов все же выдал из себя некое подобие улыбки.

– Прошу, сударыня... Нет, лучше вот сюда, это у нас кресло особое, для гостей, так сказать... Кхм!

Амалия села, распространяя вокруг себя аромат дорогих духов, и посмотрела на Ломова своим особенным, прямым, открытым взглядом, который словно говорил: мы с вами сообщники, ничего не поделаешь, придется действовать совместно. Ломов хмуро покосился поверх ее плеча куда-то в угол и сел на диван напротив.

– Полагаю, вас уже уведомили о решении Петра Петровича? – спросила Амалия.

Сергей Васильевич выразительно скривился, что вполне можно было считать положительным ответом.

– До чего же все это некстати, – непонятно к чему пробурчал он, буравя Амалию своими глубоко посаженными глазами неопределенного цвета. – И министр тоже хорош, что так подставился, ну и... Гхм!

Он шумно откашлялся.

– Да, положение нелегкое, – согласилась Амалия.

– А кто виноват? – завелся ее собеседник. – Между прочим, вы и виноваты.

– Я? – возмутилась баронесса.

– Конечно! Не доставили бы сюда фотографии, так, может, все и сложилось бы к лучшему. Случился бы грандиозный скандал, министра выгнали бы в шею, а на его место сел человек, который зарекся бы ходить налево, раз его предшественник на этом погорел...

– Я только выполняла порученное мне задание, – сказала Амалия после паузы. Как неглубокий человек, она не могла не признать, что в словах Ломова есть свой резон.

– Конечно, – вздохнул Сергей Васильевич. – Мы все выполняем задания... Государева служба, ну и... Кхм! – Он снова откашлялся. По правде говоря, Ломов терпеть не мог произносить длинные речи, особенно о том, что, как он считал, и без его слов было совершенно очевидно. – Вы, разумеется, знаете, какой выход я предложил начальству, как только узнал о сложившейся ситуации.

Само собой, Амалия не стала признаваться, что то же самое начальство поймало ее на слове, как какую-нибудь гимназистку. Своему коллеге она ответила:

– Когда Петр Петрович счел нужным посоветоваться со мной, я высказала идею, что стоит подключить разового агента, и генерал согласился с моими доводами. – Разовым агентом именовалось лицо, которое не состояло в Особой службе и нанималось только для выполнения одного конкретного задания.

– Надеюсь, ваш разовый агент окажется лучше, чем Антон Филиппыч, – буркнул Ломов, косясь на нее. – Вам известно, кстати, что господин Непомнящий оказался настолько бестолков, что сам без памяти влюбился в госпожу Кассини?

– Разумеется, известно, – не моргнув глазом солгала Амалия, хотя впервые услышала об этом только от своего собеседника. – Но по поводу моего агента можете быть спокойны: такой ошибки он не совершит.

– Что ж, прекрасно, прекрасно... Так ваш дядя уже в курсе?

Амалия смутилась, что не укрылось от ее собеседника.

– Я не успела...

– То есть мы не можем быть в нем уверены, – подытожил безжалостный Сергей Васильевич. – Благие намерения предполагают, а жизнь располагает... и в конечном итоге не исключено, что нам придется вернуться к моему предложению. Так ведь?

Тут Амалия рассердилась так, что у нее загорелись щеки.

– Милостивый государь, нельзя убивать женщину только за то, что она в кого-то влюбилась...

Ломов был не слишком силен в философских рассуждениях, однако он сразу же учуял во фразе Амалии слабое место и не замедлил к нему прицепиться.

– О какой любви идет речь, сударыня? Полагаю, что только о любви к деньгам, потому что простите меня великодушно, но я не могу себе представить, чтобы молодая женщина в здравом уме увлеклась каким-то бабуином...

– Сергей Васильевич!

– Пятидесяти с лишком лет от роду, – гнул свое Ломов. – Так что давайте не будем передергивать. Кто продается, тот всегда должен помнить, что ему тоже придется платить свою цену. Эта Лина Кассини, несмотря на всю свою славу, не что иное, как обыкновенная продажная девка. Если ее шлепнуть, ничто в мире не изменится...

Амалия сидела, кусая губы. Признаться, если бы в эту минуту ей предложили шлепнуть самого Ломова, она бы не отказалась рассмотреть это предложение, – хоть и отлично сознавала, что, если дойдет до дела, скорее он убьет ее, чем она – Ломова.

– Вы слишком прямолинейны, – с горечью проговорила она. – Поймите, что нельзя убивать человека только из-за того, что...

– Можно, – даже не дослушав фразу, перебил собеседницу Ломов. – Простите меня, сударыня, но у вас, по-видимому, сложилось совершенно превратное мнение о сути нашей работы. Мы солдаты, Амалия Константиновна, мы воюем, и то, что война эта тайная и она скрыта от глаз обывателей, ничего не меняет. Мир раскалывается на две части, в ближайшее время может вспыхнуть грандиозная война, а вы сидите тут и рассуждаете, как дурно убивать какую-то паршивую певичку. – Ломов сверкнул глазами. – Да хоть десять певичек убить, хоть сто, если это поможет моей стране оттянуть начало войны и собраться с силами!

– Прошу покорнейше простить меня, Сергей Васильевич, но я не вижу связи между Линой Кассини и возможной войной, – сказала Амалия устало. – Худшее, что может произойти, – наш министр потеряет свое место.

– Нет, – отрубил Ломов. – Узко мыслите, сударыня. Дело даже не в министре, а в том, что эта пакостная история наверняка станет началом кампании против Российской империи. И смеяться будут, поверьте, вовсе не над каким-то вельможей, который путается с кем ни попадя, а над страной, что ею управляют такие, как он, и над императором, который этого министра выдвинул. Хотя любой здравомыслящий человек понимает, что кого угодно можно сфотографировать без подштанников на какой-нибудь продажной девке, и это мало что будет значить... Кхм!

Несмотря на свои замашки, Сергей Васильевич все же почувствовал, что в разговоре с дамой перегнул палку, и с некоторым смущением потер усы.

– Однако всего несколько минут назад вы утверждали, что, возможно, было бы лучше, если бы я не нашла фотографии, – с обманчивой кротостью заметила злопамятная Амалия. – А как же тогда кампания против нас, травля и все прочее?

Но смутить Ломова таким образом было невозможно, он покосился на свою собеседницу с нескрываемой иронией.

– А может быть, нам это было бы полезно, – парировал он, оскалась. – Сразу же стало бы ясно, кто нам друг, а кто враг. Кто сказал, что испытания выявляют истинную ценность окружающих? Момент, когда с людей слетают маски, дорогого стоит, поверьте мне.

Если до этого мгновения Амалия была склонна считать Ломова скорее недалеким человеком, то сейчас у нее возникло скверное ощущение, что лжемайор провел ее, потому что на самом деле агент «Всех замочить» оказался вовсе не так прост.

О том, что Ломов про себя – и даже в некоторых официальных донесениях – именовал ее саму «зефирная принцесса», Амалия так никогда и не узнала.

– Думаю, что *там* и без всяких испытаний прекрасно знают, что к чему, – заметила баронесса Корф, выразительно подчеркнув голосом слово «там». – И его Императорское величество не питает никаких иллюзий по поводу того, как к нам относятся в Европе.

– Да уж, питать иллюзии по поводу сволочей – занятие накладное, – жизнерадостно согласился Сергей Васильевич. – С Британией все ясно: они хотят мирового господства, поэтому мы им как кость в горле – впрочем, англосаксам в силу их характера все как кость в горле, и не только мы. Германия в недавней войне отъела кусок от Франции² и пытается всех убедить, что он принадлежит ей по праву. Французы само собой не согласны. Они спят и видят, как бы вернуть Эльзас и Лотарингию, хотя раньше большинство из них даже не придавало значения тому, что в составе их страны существуют такие области. Австро-Венгрия вроде бы поддерживает Германию, тогда как Британия склоняется к Франции, которую исторически терпеть не может, и в этом случае, Амалия Константиновна, слово Российской империи оказывается решающим. На чьей стороне мы выступим, тот и победит. Теперь-то вы понимаете, каковы на самом деле ставки в этой игре?

– Нам надо держать нейтралитет, – решительно сказала Амалия. – И не присоединяться ни к какой из сторон.

– Согласен, – спокойно ответил Ломов. – Но видите ли, сударыня, в чем дело: мы не швейцарцы, которые при любой заварушке сидят у себя дома и стригут купоны с тех, кто воюет. Проще говоря, если рядом с русским начинается драка, ему непременно надо в нее влезть. Происходит это вовсе не от глупости и не от избытка сил, которые некуда девать, а от накопленного веками горького опыта – потому что мы знаем, что если не дадим сдачи сегодня, завтра может быть уже поздно. Однажды русские князья с самыми благими намерениями решили отсидеться дома, когда пришел враг, а кончилось это монгольским игом, которое длилось несколько столетий. Сейчас для России нейтралитет означает всего лишь, что мы неизбежно получим в будущем войну с тем, кто победит без нас. Насколько это лучше или хуже войны, в которой мы сразу выступим на одной из сторон, вопрос интересный, но я полагаю, что ни меня, ни вас никто спрашивать не будет. Наше дело маленькое – сделать так, чтобы у некоего министра пропала всякая охота встречаться с некой певичкой. Вот на этом я и предлагаю сосредоточиться.

---

² Имеется в виду франко-прусская война 1870–1871 гг., завершившаяся полным разгромом Франции и сменой режима с императорского (Наполеон III) на республиканский, а также утратой областей Эльзас и Лотарингия, которые Германия присоединила к себе. Следствием этой войны станет Первая мировая война.

Глава четвертая, в которой дядюшка Казимир пьет пиво и закусывает маринованным имбирем, а баронесса Корф теряет дар речи

Утром во вторник Амалия проснулась с тем смутным ощущением, которое знакомо каждому человеку, который сознает, что взвалил на себя непосильную задачу или неосмотрительно дал обещание, выполнить которое будет чрезвычайно трудно. И в самом деле, чем больше Амалия думала о предстоящей миссии, тем сильнее она укреплялась во мнении, что совершила ошибку, дав начальству поймать себя на слове.

«И зачем я только упомянула своего дядюшку? Щучья холера! Как будто меня за язык кто-то тянул...»

Чувствуя глубокое недовольство собой, Амалия встала, привела себя в порядок, оделась и спустилась в гостиную, обставленную французской мебелью в стиле XVIII века. Ее мать Аделаида сидела там, читая роман Маркевича³.

– Мама, – решила Амалия, – мне нужно кое-что с тобой обсудить. Я... Дело в том, что я попала в неприятное положение.

Она оглянулась на дверь, тщательно притворила ее за собой и присела к матери на диван.

Точно неизвестно, что именно обсуждали в гостиной две дамы и к каким выводам они пришли. Зато доподлинно известно, что около двух часов того же дня дядюшка Казимир, проживавший в одном доме со своей сестрой и племянницей Амалией, развернул принесенную слугой газету, на первой полосе которой по чудесному совпадению красовался внушительный портрет Лины Кассини, и углубился в чтение. Одновременно дядюшка потягивал пиво из кружки, причем время от времени закусывал его кусочками нежно-розового маринованного имбиря, которые маленькой вилочкой выуживал из расписной тарелки.

Тут, пожалуй, самое время описать дядюшку Казимира поподробнее, потому что в нашем повествовании он будет играть весьма существенную роль. Казимир Браницкий был невысоким, в меру упитанным господином со светлыми волосами и глазами, которые Амалия считала серыми, а влюбленные в Казимира дамы упорно называли голубыми. Во всем его облике прослеживалось нечто кошачье, но это был кот, который гуляет сам по себе и не признает никаких посягательств на свою свободу – точнее, на то, что он под этим словом подразумевает.

Свобода в понятии Казимирчика означала прежде всего отсутствие того, что он обозначал словом «буза», подслушанным у одной из своих пассий. С точки зрения благородного шляхтича, все вокруг только и делали, что бузили, то есть занимались откровенной чепухой. Они ходили на работу, где начальник в любой момент мог на них накричать, делали карьеру, интриговали, пытались нажить состояние, а вместо него наживали разве что язву желудка. Они женились, заводили детей, жаловались на то, что оклада на содержание семьи не хватает, потом заводили любовниц, которые их обманывали, и выдерживали дома бесконечные сцены. Наконец, они то и дело пытались приструнить Казимирчика, повлиять на него, заставить его образумиться. Они хотели, чтобы он стал таким же, как они, – то есть устроился на никому не нужную скучнейшую работу, терпел придирки начальства, обзавелся семьей и вообще стал полезным членом общества. Но Казимир был совершенно равнодушен к обществу, равно как и к его мнению о самом себе.

О нет, он никогда ничего не декларировал и никому себя не противопоставлял; но в его поступках явно прослеживалась некая линия, которая ставила в тупик людей, которым приходилось с ним пересекаться. Будь я писателем-соцреалистом вегетарианских 70-х годов, я бы

---

³ Болеслав Маркевич (1822–1884) – русский писатель, пользовавшийся большой популярностью в свое время.

просто написала, что Казимир был буржуа до мозга костей и убежденный тунеядец, и в этом имелась бы некоторая доля истины. Будь я романистом эпохи Гончарова, я бы констатировала, что Казимир был в своем семействе паршивой овцой, и намекнула бы на его сходство с Обломовым. Потому что, как и Обломов, Казимир упорно стремился к отрицанию любой деятельности, которая требовала усилий от него лично.

Был ли он законченным эгоистом? Мне трудно ответить на этот вопрос утвердительно, потому что при всех своих недостатках Казимир был на редкость добродушен, а эгоизм – свойство, имеющее неприятную особенность самоутверждаться за счет окружающих. Казимирчику бы такое и в голову не пришло. В общении он был очень мил, а с дамами – сама галантность, сама предупредительность и само очарование.

Казимир любил женщин – не какую-нибудь одну женщину, а просто женщин, всех разом, и по этой причине никак не мог остановиться на ком-нибудь определенном. Как мотылек, он порхал из романа в роман, покоряя модисток, солидных домовладелиц, жен чиновников и даже прожженных кокоток, в чью спальню не проникнешь без солидного гонорара. Но Казимирчикумел так устраиваться, что для него всегда делали исключение.

О нет, он не был обычным волокитой, который готов пустить слюну при виде каждой незнакомки, проходящей мимо; не принадлежал он и к числу тех утомительных кавалеров, которые устраивают длительную осаду, так что женщины в конце концов согласны переспать с ними, лишь бы отделаться от их навязчивости. Он не хвастался своими любовными подвигами перед приятелями, уснащая свои рассказы красочными выдуманностями; не вел записную книжечку с отметками каждой новой любовницы и скабрёзными подробностями; наконец, он не соблазнял девушек и никого не разорял. О нем нельзя даже сказать, что он действовал как-то особенно, чтобы понравиться очередной даме сердца, но факт остается фактом: женщины были от Казимира без ума. Они понимали, что он непостоянен, на него нельзя положиться, что он небогат и от него не дождешься каких-то особенных подарков, но все спасительные доводы теряли свое значение, стоило только Казимиру появиться и посмотреть своими голубыми глазами вам в душу. Одним словом, Казимирчик был неотразим и прекрасно знал это.

Отношение Амалии к дядюшке менялось на всем протяжении ее жизни. В детстве он был просто одним из людей, который всегда присутствовал в доме и в детской иерархии располагался где-то ниже любимой няни. В подростковом возрасте Амалия осознала, что Казимир – обыкновенный паразит, то есть существо совершенно бесполезное, от которого нет и не может быть никакого проку, и стала обращаться с ним соответственно. Вообще моя героиня предпочла бы иметь родственником какого-нибудь образованного, талантливого, неординарного человека, – но увы, образованным и талантливым людям обыкновенно достаются близкие, которые в грош их не ставят, а на долю Амалии выпал легкомысленный, ничем не выдающийся повеса, который так и собирался пропорхать мотыльком до глубокой старости, ничем более не интересуюсь. Однако при всей своей нелюбви к дядюшке Амалия все же вынуждена была признать, что и он не лишен достоинств. К примеру, его можно было запустить в комнату, в которой назревает крупная ссора, и двое джентльменов вот-вот отхлещут друг друга по щекам, и раздастся грозный вызов на дуэль – но Казимирчик, как любое существо породы кошачьих, одним своим появлением приносил мир, и через несколько минут ссора как-то сама собой сходила на нет. Кроме того, от Амалии не укрылось, что при всем своем эгоизме Казимир был вовсе не глуп и порой мог подать весьма дельный совет. После брака с бароном Корфом, который завершился разводом, Амалия стала жить в одном особняке с матерью и дядей и скрепя сердце признала за ним право на существование, лишь бы он не слишком ей докучал. И Казимир благоразумно держался в рамках, которые она согласна была ему отвести, то есть тратил деньги, которые она получала, но не заходил в расточительстве слишком далеко, не заводил интрижек на домашней территории и не создавал Амалии проблем, если не считать отдельных

визитов его бывших любовниц. Потому что некоторые страсти Казимира вбили себе в голову, что только им будет под силу укротить его, навеки пришив к своей юбке, и осчастливить посредством приведения к алтарю. Ради этого иные были готовы бросить своих богатых, но опостылевших мужей, а одна дама и вовсе заявила, что готова ехать за Казимиром хоть на край света, лишь бы он достался в исключительное пользование только ей одной.

Тут, пожалуй, стоит признаться, что популярность ее дядюшки у женского пола ставила Амалию в тупик. Она придавала большое значение внешней привлекательности и могла бы принять происходящее, будь Казимир неотразимым красавцем; но, с ее точки зрения, он был самый обыкновенный мужчина, не слишком уже молодой, хоть еще и не стар, и у нее язык не поворачивался назвать его высокодуховной личностью или хотя бы интересным человеком. В культурном смысле Казимир был совершенный неандерталец – не как современные неандертальцы, которых интересует только новая модель смартфона и которые даже не знают, кто такой Лев Толстой, но все же неандерталец. Искусство не трогало его; он был способен пройти мимо самой гениальной картины на свете и даже не заметить ее, а книги ценил лишь за то, что чтение неизменно погружало его в сон. Граф Толстой или Сенкевич, Мопассан или Дюма – ему было безразлично; он мог начать читать что угодно, но вскоре безмятежно засыпал. Достижения науки и вовсе его не интересовали, хотя он обладал цепкой памятью и мог в разговоре привести какую-нибудь цитату или с умным видом сослаться на статью, недавно прочитанную в газете. Хоть убейте, Амалия не могла понять, что женщины в дяде находили, и в конце концов была вынуждена сделать для себя нелестные выводы по поводу представительниц своего пола вообще и их ума – в частности. Тут, скажем прямо, она была не права. Привыкнув к Казимиру и зная наперечет его недостатки, она упорно не желала видеть, что в обыденной и скучной жизни многих, очень многих женщин он был как глоток свежего воздуха. И ценили они его не за то, знал ли он творчество Толстого или нет, а за то, что он был обаятельный, воспитанный, скромный, но знающий себе цену; не стяжатель, не подлец, не домашний садист, не неврастеник, а просто приятный во всех отношениях мужчина, который всегда скажет вам комплимент, и скажет он его так, что вы будете чувствовать себя королевой. С Казимиром можно было свободно говорить о том, о чем женщины редко говорят с мужчинами – о фасонах платьев, о новых духах, о повседневных мелочах, из которых складывается жизнь. Каковы бы ни были недостатки Казимира, с ним было очень уютно, и даже если вы видели его насквозь и не обманывались на его счет, все равно, когда он уходил, вас охватывало сожаление.

Сейчас, как, впрочем, и всегда, Казимир переживал очередной роман – на сей раз с женой подданного Австро-Венгерской монархии, чеха по происхождению, который задумал поставить в России пивное дело на широкую ногу. Месяц назад он приехал в Петербург, прихватив с собой жену, которая вовсе не рвалась его сопровождать. Для нее лучшим городом на свете была Прага, и она не собиралась ничего менять в своей жизни. В Петербурге она первое время отчаянно скучала и жаловалась на холод, ветер и серое небо. Но тут на улице ей повстречался Казимирчик, и холод, небо и ветер вдруг потеряли всякое значение.

Она повеселела, помолодела, заказала несколько новых платьев и заявила, что жизнь в России ей нравится, и вообще Прага и Петербург начинаются на одну и ту же букву, а это определенно добрый знак. Чтобы упростить ситуацию, она представила мужу Казимира как человека, который когда-то ухаживал за ее дальней родственницей и с которым она случайно столкнулась в городе. С супругом Казимирчик сразу же подружился, и почтенный пивовар даже стал советоваться со своим новым знакомым по поводу того, какие сорта пива будет лучше пустить в продажу. Напустив на себя задумчивый вид, Казимир ответил, что без предварительной дегустации он ничего решить не может, и с той поры к нему на дом каждый день стали доставлять несколько бутылок отличного пива, дабы он попробовал его и высказал свое авторитетное мнение. В данный момент, жмурясь, как кот на сметану, Казимирчик потягивал темное пиво и, как уже было сказано, заедал его маринованным имбирем. Эта нехитрая комбина-

ция открыла пану Браницкому путь в нирвану – хотя, возможно, он в жизни не слышал такого слова. Так или иначе, Казимирчик блаженствовал, и на его круглой физиономии застыло выражение совершенного довольства жизнью и своим местом в этой жизни. Искоса поглядев на дядюшку, Амалия смутно подумала, что ей придется нелегко; но отступить было некуда, и она храбро ринулась в атаку.

– Кто это там на первой странице – неужели госпожа Кассини? – спросила она.

Казимирчик мельком взглянул на портрет в газете и подцепил на вилку еще немного имбиря.

– Да, она вроде бы завтра приезжает в город. – Он съел то, что было на вилке, и запил пивом, после чего счел нужным объяснить: – Я помогаю хорошему знакомому определить, какой сорт пива лучше будет продаваться в России. Должен сказать, что это нелегкая задача, тем более что раньше я был уверен, что не люблю пиво, но тут все дело в том, как пить и чем закусывать.

Вилка снова нырнула в тарелку, и Амалия, почувствовав, что пиво можно обсуждать еще долго, решила вмешаться.

– Эта Лина Кассини очень красивая женщина, – сказала она. – Говорят, она первая красавица Европы.

Казимирчик внимательно посмотрел на нее.

– Ты лучше, – просто ответил он.

Интонация некоторых слов не менее важна, чем их смысл. В тоне Казимирчика не чувствовалось ни подхалимажа, ни даже намек на лесть; он произнес эти слова как нечто само собой разумеющееся, как, например, учитель математики сказал бы, что дважды два равно четыре, и оспаривать это совершенно бесполезно. Амалия почувствовала, что теряется.

– Мне кажется, – заметила она, – ты мог бы завести с ней роман, если бы захотел.

Нет, вы представьте себе: вы мирно сидите у себя дома, лакомитесь пивом с имбирем и никого не трогаете, как вдруг ни с того ни с сего вам дают понять, что вы можете... Ну допустим, охмурить Кэмерон Диас. Что бы вы сделали? Насторожились бы? Заинтересовались? Попытались бы отшутиться?

Признаться, Амалия ждала чего-то подобного; однако тут дядюшка ее удивил.

– Мог бы, – спокойно отозвался Казимир в ответ на ее слова. – Но не хочу.

– Но почему? – изумилась Амалия.

Казимир неопределенно повел плечом и поглядел на остатки пива в бутылке, прикидывая, не надо ли прямо сейчас открывать следующую. По правде говоря, он не слишком жаловал знаменитостей. По его мнению, все они как бы носили маски, предназначенные для публики, а масок Казимир не любил. Он предпочитал иметь дело с обыкновенными женщинами, которые жили своей жизнью и не притворялись, что они другие – или, по крайней мере, притворялись лишь тогда, когда их вынуждали обстоятельства. Кроме того, за знаменитостями всегда следуют толпы обожателей, а Казимир, верный своему кошачьему инстинкту, толпы не любил.

– Готова держать пари, – настойчиво продолжала Амалия, – что ты мог бы добиться от нее всего, чего угодно.

– Держать пари в кругу семьи – дурной тон, – наставительно заметил собеседник.

Амалия утратила дар речи, а тем временем ее дядюшка потянулся за второй бутылкой пива.

– К тому же, – добавил он, – синьора Кассини мне совершенно не интересна.

– Дядюшка! Один Джованни Больдини⁴ написал четыре ее портрета...

---

⁴ Джованни Больдини (1842–1931) – знаменитый портретист, итальянец по происхождению, который большую часть жизни прожил в Париже. Прославился большим количеством портретов светских красавиц и знаменитостей, написанных в импрессионистической манере.

– Пусть напишет еще четыре, – пожал плечами неисправимый Казимир. – И потом, я не живописец и никогда не собирался им быть.

На это абсолютно ничего нельзя было возразить.

– Некоторые любят в пиве горечь, – продолжал дядюшка, поглаживая бутылку так, словно она была женщиной. – Но должен признаться, лично я...

Тут Амалия вспомнила слова начальника о том, что в некоторых ситуациях самое лучшее – идти напролом, и решила отбросить всякие околичности.

– Дядюшка, речь идет о деле государственной важности... Так что тебе придется познакомиться с Линой Кассини. Ну и... все остальное тоже.

Казимир вытаращил глаза.

– Мне? Боже мой! Во что ты меня втягиваешь? Это что, из-за твоей работы? – догадался он. – Хорошенькое дельце! Но при чем тут я?

– Ни при чем, – терпеливо ответила Амалия. – Конечно же, ни при чем. Просто так получилось... И теперь уже ничего не изменить. Если ты не увлечешь Лину и не добьешься, чтобы она бросила одного человека... Одним словом, все может кончиться очень скверно, – волнуясь, закончила она.

Казимир пристально посмотрел на нее.

– Постой. Итак, синьора Кассини... м-м... завела роман с кем-то, о ком я ничего не хочу знать, но твоим сослуживцам надо, чтобы этого романа не было. Так?

– Да.

– Ваш план никуда не годится, – заявил Казимир. Он осушил кружку, открыл вторую бутылку и щедро налил из нее пива. – Во-первых, появление второго любовника не обязательно означает отставку первого. Во-вторых, с таким же успехом можно было подослать женщину к любовнику синьоры, чтобы разрушить его отношения с Линой.

– Все уже решено, – покачала головой Амалия. – И второй путь нам не подходит. Действовать нужно через Лину, и поэтому... Поэтому я подумала о тебе.

– Это было совершенно лишнее!

– Дядя! Только подумай, тебе выпадает шанс завоевать такую женщину... Любой мужчина отдал бы все на свете, чтобы только оказаться на твоём месте!

– Я с удовольствием уступлю ему свое место, и даже не за все на свете, а за что-нибудь более скромное, – съязвил Казимирчик. – Зачем вообще мне нужна эта Лина Кассини? Что у нее есть такого, чего нет у моей Марты?

Мартой звали жену пивовара.

– Ну, во-первых, Лина Кассини красавица...

– И что? Красавиц много...

– Во-вторых, она молода...

– Есть и моложе ее, коли уж на то пошло!

– В-третьих, – выложила Амалия свой главный козырь, – ее знает весь мир!

Однако ее довод не произвел на дядюшку никакого впечатления.

– И что это меняет? Все равно она ничем не лучше любой другой женщины. И к тому же слава портит характер.

– Значит, у вас будет возможность его исправить, – нашлась Амалия.

– Слишком много сложностей, – вздохнул дядюшка. – И вообще, я совершенно не готов к подобным авантюрам!

Казимирчик был расстроен. Только что все было прекрасно, он пил пиво и наслаждался жизнью, и нате вам – вдруг выяснилось, что судьба в образе прелестной племянницы требует, чтобы он занимался чем-то, что ни капли его не интересовало и без чего он спокойно бы обошелся. По мысли благородного шляхтича, это было самое натуральное притеснение, и он вовсе не собирался сдаваться просто так. Посягательства на свою свободу – точнее, на свободу ничего

не делать – он воспринимал крайне болезненно, если только они не были подкреплены доводами, перед которыми ему приходилось отступить. А Казимир, надо вам сказать, не то чтобы очень любил деньги, но смирялся с их силой. Кроме того, если уж ему не давали спокойно пить пиво, то было бы только справедливо потребовать за это возмещение.

– Сколько? – деловито спросил он.

Амалия замялась.

– Двести рублей. – По правде говоря, прижимистый Багратионов согласился выделить любовнику Лины в случае успеха только сто рублей, но Амалия решила увеличить сумму за свой счет. – Все дополнительные издержки – за счет нашей службы.

– А аванс? – всполошился Казимир. – Я не могу без аванса.

– Дядя, – ледяным тоном спросила Амалия, – вы мне не доверяете?

– Аванс укрепляет доверие, – не моргнув глазом ответил дядюшка.

– Хорошо, – вздохнула Амалия. – Зайдите ко мне вечером, и вы получите... м-м... зада-ток. Что-нибудь еще?

– Я в жизни этим не занимался, – вздохнул Казимир.

Тут, признаться, Амалия утратила дар речи вторично.

– Чем вы не занимались? – сердито осведомилась она, когда голос вернулся к ней. – Не обольщали женщин?

Если с матерью Амалия обычно общалась на «ты», то с дядей все обстояло сложнее: с глазу на глаз она чаще употребляла «ты», но иногда переходила и на «вы», как того требовало обращение к старшему родственнику или некие смысловые оттенки, которые она пыталась таким образом выразить.

– Я никогда не делал этого за деньги, – пояснил дядюшка. – Главное, чтобы это не вошло в привычку, – задумчиво прибавил он.

Тут Амалия догадалась как следует всмотреться в глаза Казимира – и по их блеску она поняла, что он подтрунивает над ней. Признаться, Амалия и сама ценила хорошую шутку, но сейчас, когда на карту была фактически поставлена жизнь человека...

– Дядюшка! – возмутилась она.

– Хорошо-хорошо, я все понял, – покладисто согласился Казимир. – Итак, во-первых, не двести рублей, а пятьсот. Во-вторых, мне нужен предлог, чтобы познакомиться с Линой и понаблюдать ее вблизи.

– Она дает концерт в пятницу, – сказала Амалия, благоразумно решив пока не обсуждать пункт первый. За пятьсот рублей в благословенном Петербурге тех лет можно было неплохо прожить целый год.

– Я не люблю музыки, – поморщился Казимир. – И не вижу смысла стоять в толпе ее поклонников, которые все будут сражаться за ее внимание. Нет, тут нужно что-то другое, менее официальное.

Амалия задумалась.

– В воскресенье Лина будет на дне ангела княгини, жены немецкого посла, – сказала она. – Споеет несколько песен, но в остальное время она будет свободна. Правда, особняк посла – не самое удобное место для общения... Но если ты настаиваешь, я сделаю так, чтобы нас пригласили.

– День ангела сгодится, – кивнул Казимир. – Кстати, в газете правду говорят, что она приезжает на Северном экспрессе?

– Да, а что?

– Так, ничего. Впрочем, раз уж я ввязался в это дело, мне понадобится как можно больше подробностей о Лине, ее друзьях, ее привычках... Ну, ты сама понимаешь. Что она любит, что ненавидит, и так далее.

– Она любит духи и экзотические цветы, но больше всего – драгоценности, – сказала Амалия. – Если понадобится, то у меня есть фамилия ювелира, который их нам даст, потому что тратить на них казенные деньги строго-настрого запрещено. Что касается ненависти... Есть, скорее, чисто женская неприязнь. Ты слышал о Марии Фелис?

– Ты имеешь в виду танцовщицу? Испанку?

– Да. Лина и Мария терпеть друг друга не могут. Они соперничают во всем – в количестве любовников, дорогих подарков, портретов, которые с них пишут знаменитые живописцы. Кстати, Мария Фелис тоже приезжает в столицу. Будет выступать в том же театре – дирекция сделала гениальный ход. Две главные звезды сцены в одной программе!

– Хм, – задумчиво сказал Казимирчик. – А Мария Фелис приезжает на том же экспresse и тоже будет выступать в эту пятницу? – Амалия кивнула. – Знаешь, я бы посмотрел на нее на этом концерте. Ну и на Лину тоже, само собой. Чем черт не шутит, может быть, мне удастся обратить на себя ее внимание – хотя я на это не слишком рассчитываю: наверняка все петербургские ротозеи сбегутся на Лину поглазеть и будут расточать ей пошлые комплименты. Трудно иметь дело со звездами, – горестно продолжал Казимирчик, глядя на тающую в кружке пену, – потому что их уже ничем не удивишь, и приходится как следует постараться, чтобы они тебя заметили.

– Я уверена, дядя, – серьезно сказала Амалия, – что у тебя все получится.

– Я постараюсь, конечно, – степенно ответил дядюшка, – но сама понимаешь, в таком тонком деле гарантировать ничего не могу. Конечно, я приложу все усилия... – Он допил пиво и поднялся с места. – А это дело – оно действительно такое важное, как ты говоришь?

– Важнее не бывает, – заверила его Амалия.

– Охо-хо, – непонятно к чему промолвил ее собеседник. – Как все это неожиданно... и некстати... Плохи, значит, дела у Российской империи, раз она не может обойтись без Казимира Браницкого...

Тут Амалия потеряла дар речи в третий раз, а Казимирчик гордо просеменил к выходу – и был таков.

Глава пятая, в которой появляются дама с гепардом и дама без гепарда, а Казимир показывает себя самым бестолковым агентом на свете

Амалия вполне справедливо считала, что принадлежит к людям, которые за словом в карман не лезут, и то, что дядюшка трижды в течение одного разговора заставил ее утратить дар речи, не на шутку ее задело. Она топнула ногой, сердито посмотрела на пустые бутылки и кружку с остатками пены на дне – и отправилась излить душу матери, которая в одной из соседних комнат дожидалась окончания трудных семейных переговоров.

Умом Амалия понимала, что жаловаться Аделаиде на ее брата было совершенно бессмысленно, потому что мать всегда его защищала. Но больше всего моей героине хотелось излить свою досаду, а никто другой, кроме матери, для этого не подходил.

Амалия вкратце пересказала состоявшийся с новоиспеченным агентом империи разговор, не забыв упомянуть о том, что Казимир проявил себя как настоящий вымогатель, и закончила предположением, что он наверняка провалит задание, а Амалии придется с позором уйти из Особой службы.

– Не понимаю, что ты хотела, – сказала Аделаида Станиславовна, пожимая своими ослепительными плечами, которые с возрастом почти не изменились. – Бесполезно пытаться изменить Казимира, надо принимать его таким, какой он есть. И я понимаю, отчего он не выразил восторга от того, что ты втянула его в историю без его ведома...

– Это получилось случайно, – буркнула Амалия. По правде говоря, она уже сейчас горько сожалела, что при генерале Багратионове упомянула о своем дядюшке.

– Ну разумеется, но ведь именно Казимиру придется все расхлебывать, – напомнила мать. – Если бы не твоя неосмотрительность...

– Знаешь, я вовсе не удивлена! – завелась Амалия. – Ты всегда на его стороне!

– Он мой брат, на чьей же стороне мне еще быть? – добродушно ответила Аделаида. – И потом, если бы в моей жизни его не было, я бы, наверное, повесилась.

– Мама, не говори глупостей, пожалуйста, – проворчала Амалия.

– Это вовсе не глупости, – резче, чем ей хотелось, возразила мать. – Ты просто не понимаешь, что такое быть сиротой почти без денег среди людей, которые говорят о деньгах круглые сутки... Что такое быть молодой и красивой – и нищей, когда ты ничего не можешь себе позволить и из милости донашиваешь платья за дальними родственницами, которые попрекают тебя каждой коркой хлеба! – Она распрямилась, глаза ее засверкали при одном этом воспоминании. – Так вот, я говорю тебе, я бы сто раз повесилась еще до того, как познакомилась с твоим отцом, если бы не Казимир. Он никогда не произносил, знаешь, всех этих книжных речей о том, что мы должны выстоять, держаться и все такое прочее, но он всегда был рядом, и я знала, что могу на него положиться.

С точки зрения Амалии, полагаться на Казимирчика было примерно то же самое, что тащиться в самую глубь болота в надежде обрести там твердую землю; но она уважала мать и свое замечание предпочла оставить при себе.

– Я не могу понять, почему Браницкие так обеднели, – сказала Амалия, чтобы перевести разговор на другую тему. – Один из Браницких был женат на Шарлотте фон Мейссен из очень старого рода, у ее семьи был замок где-то возле Рейна, если я не ошибаюсь...

– И замок, и земли, – кивнула Аделаида, слегка остыв. – Но в замке во времена Наполеоновских войн был пороховой склад, и в один прекрасный день все взлетело на воздух. С Мейссенами вообще случилась странная история – у последнего представителя фамилии были две дочери, Шарлотта и Амелия. Шарлотта вышла замуж за Браницкого, у нее долгое время

не было детей, а потом появился сын. Болтали, что это на самом деле сын Амелии и ее любовника, но в семье эту историю всячески замалчивали, и подробностей никто не знает⁵. У самой Амелии очень поздно родилась дочь, и тут уже стали болтать, что на самом деле эта дочь имеет отношение к незаконной дочери Браницкого и на самом деле является его внучкой. Шарлотта ненавидела его любовницу, да и дочь тоже, и когда дочь умерла, она заставила Амелию удочерить свою внучку – а та согласилась будто бы лишь потому, что она когда-то взяла в семью ее сына. Сама понимаешь, когда дети выросли, все эти слухи стали им сильно мешать...

– И поэтому сын Браницкого так странно женился? – спросила Амалия. – На бесприданнице, которую увидел у каких-то знакомых?

– Да, это мои дедушка и бабушка, – отозвалась Аделаида. – Соответственно твои предки. Только их счастье длилось недолго, потому что жена умерла при первых же родах. А дед всю жизнь ненавидел за это своего сына – моего отца. Мало того, что мой отец всегда был слабого здоровья, так ему приходилось еще терпеть крутой нрав деда...

– А потом твой отец женился на дочери Амелии, – подсказала Амалия. – Той самой, которая будто бы на самом деле была внучкой Браницкого.

– Да, но к тому времени дела семьи уже пришли в упадок. – Аделаида поморщилась. – Дед много играл в карты и часто проигрывал. Отец был убежден, что дед делает это нарочно, чтобы ему – отцу то есть – ничего не досталось. Земли в Германии ушли за бесценок, насколько я помню... А земель в Польше оставалось к тому моменту не так уж много. Ну, а когда за дело взялись наши с Казимиром опекуны...

Она сжала губы.

– Надеюсь, теперь ты понимаешь, почему я не поддерживаю отношений ни с кем из так называемых родственников, – добавила Аделаида неожиданно тяжелым голосом. – Они воспользовались ситуацией, тем, что мой отец рано умер, а мать ненадолго его пережила, и обобрали нас, а мы были детьми и не могли постоять за себя. Даже те крохи, которые должны были достаться мне и Казимиру, оказались в чужих карманах. Все было сделано так ловко, что когда мы с Казимиром выросли, то не смогли найти предлога, чтобы притянуть опекунов к ответу... – Глаза Аделаиды потемнели. – И они прекрасно понимали, что я ничего не могу им сделать, и чуть ли не смеялись нам в лицо. Это теперь я точно знаю, что когда жить становится совсем невозможно, все равно надо продолжать существовать любой ценой, просто потому, что новый день может принести что-то новое, а даже если не принесет, за ним настанет еще один день, и еще один, и еще... А однажды я получила письмо от старой служанки и узнала, что мой бывший опекун влез в Польское восстание, рассчитывая отсидеться за чужими спинами, да только ему это с рук не сошло, потому что, когда дело было проиграно, он не успел добежать до границы. Его схватили и убили, и не только его, но и его мерзкую жену, которая отравляла мне жизнь... которая говорила: «Незачем звать доктора», когда я девочкой заболела и едва не умерла... Я лежала в бреду в своей камере, а опекунша отплясывала польку перед гостями, потому что был праздник, а по праздникам необходимо веселиться. У моей постели сидел только Казимир, и он же приносил мне воду, когда я просила пить... Вот поэтому я никогда не отреклась от него, что бы ни случилось.

В комнате наступило молчание.

– Ты никогда мне об этом не рассказывала, – негромко заметила Амалия. Она даже не пыталась скрыть, до чего взволнована.

– Потому что все это осталось в прошлом, – отмахнулась Аделаида. Воспоминания, которые она не собиралась пробуждать, теперь жгли ей душу, и, чтобы немного успокоиться, она открыла большой веер из страусиных перьев и стала им обмахиваться. – Ничего нет хорошего в том, чтобы вспоминать унижения и нищету. Важен только итог, а его подводит судьба. Как

---

⁵ «Подробности» можно прочесть в романе «Синее на золотом».

видишь, я сижу в твоём доме на Английской набережной, а моего опекуна повесили и жену его закололи пятаками, насколько помню...

– Ты считаешь, они это заслужили? – вырвалось у Амалии.

– Тридцать раз, – холодно ответила Аделаида. – За все мои слезы, за мысли о самоубийстве, за отчаяние, за желание уйти в монастырь, только чтобы больше их не видеть. Даже не сомневайся: ответ будет «да».

После таких слов было трудно сказать что-то, что не звучало бы фальшиво, и положение спасло только появление служанки, которая осведомилась, в котором часу госпожа прикажет накрывать на стол.

На следующий день нарочный доставил конверт, в котором были два приглашения на именины жены немецкого посла, и Казимирчик тотчас же показал характер, заявив, что вместе им с Амалией приходить нельзя.

– Я не вижу ничего плохого в том, чтобы прийти на вечер вместе со своим дядей, – сердито сказала Амалия.

– Это ставит меня в неловкое положение, – задумчиво заметил Казимирчик. – Не помню, известно ли тебе, что в определенных кругах племянница означает...

Амалия покраснела:

– Но вы ведь и в самом деле мой дядя, что тут такого?

– Кое у кого, – туманно ответил ее собеседник, почесывая ухо, – могут появиться совершенно лишние мысли на этот счет. Кроме того, мне нужна свобода действий, а какая свобода может быть у мужчины, который является на торжество с кем-то еще?

Амалия сдалась и объявила, что он может делать что хочет, а она придет на день ангела с отставным майором Ломовым, который вовсе не опасается ходить в гости с хорошенькой женщиной. Но дядя предпочел не заметить язвительного намека, парировав:

– Если он тебя не опасается, он просто осел, – и оставил последнее слово за собой, негодая.

Досадуя, Амалия отправилась к Ломову – известить его о том, что новоиспеченный агент на ходу ломает все их планы и теперь часть задумок придется переиграть. Она застала лже-майора готовым к выходу. Сергей Васильевич объявил, что едет на вокзал – посмотреть на прибытие Лины Кассини. Удержавшись от вопроса, делает он это по долгу службы или просто так, Амалия вызвалась его сопровождать.

– Я до сих пор не получила билеты на пятничное выступление Лины, – сказала Амалия, когда они тряслись в экипаже по направлению к вокзалу. – Надеюсь, мне не придется беспокоить Петра Петровича из-за такого пустяка.

«Ох, баба!» – подумал восхищенный Ломов, а вслух сказал:

– Билетов нет уже с месяц, сударыня. Но вы не изволите беспокоиться – в зал нас пропустят... и вашего дядюшку, разумеется, тоже.

– Мы опаздываем к поезду, – заметила Амалия, поглядев на часы.

– Сомневаюсь, что поезд, в котором едут такие знаменитости, как Лина Кассини и Мария Фелис, прибудет вовремя, – со смешком отозвался ее спутник. – Небось на всякой станции каждый служащий норовил взять у них автограф.

Амалии очень хотелось, чтобы Ломов оказался не прав, но Сергей Васильевич как в воду глядел. На перроне собрались, казалось, все корреспонденты, хоть что-нибудь значившие в мире петербургской прессы, а также любопытные, поклонники обеих звезд и просто зеваки, но самого поезда нигде видно не было. Возле толпы встречающих прохаживались нервничающие жандармы.

Тут моя героиня задумалась о феномене чужой славы и его влиянии на умы, казалось бы, взрослых и состоявшихся людей. «Можно, конечно, найти объяснение в самом слове «звезда»... Она сверкает, она притягивает взоры... Даже если, когда придет поезд, из него

покажется самая обыкновенная женщина и станет ясно, что у нее неважная кожа, морщинки, да и зубы оставляют желать лучшего...»

Тут засвистело, загрохотало, залязгало где-то в конце путей, и перрон оживился. Фотографы, яростно расталкивая друг друга локтями, стали бороться за лучшие места для своих фотоаппаратов. Жандармы стояли неподалеку и, судя по всему, бдительно следили, чтобы борьба проходила строго по правилам, без запрещенных приемов.

– Пустите, сударь!

– Это мое место!

– Вы владелец вокзала? В таком случае благоволите предъявить документ...

Кто-то уронил шапку, и ее тотчас затоптали.

– Сударь, вы невежа!

– А вы – чертов либерал! – возмутился представитель консервативного издания.

– От консерватора слышу! – задорно парировал противник.

– Господа! Господа!

Поезд меж тем уже величаво плыл вдоль перрона, и от него валил пар.

– Ой, затоптали! – взвыл представитель какой-то совсем мелкой газетки, одетый куда беднее прочих.

– Ведите себя прилично, – одернул его жандарм.

И тут случилось нечто. На обледелом петербургском перроне появился цветущий сад.

Да, сад, да что там – сады Семирамиды, не меньше! Не унижить же эту прорву изумительных дорогих цветов сравнением с букетом, тем более что букеты-то как раз и были у большинства встречающих – но как они, и встречающие, и букеты, сразу же полиняли в сравнении с этим изобилием, этой торжествующей красотой! Даже Ломов, и тот покрутил головой и уважительно молвил:

– Фантастика! Рублей в полсотни стала эта копна, не меньше...

Следом за копной двигался господин, о котором было невозможно сказать ничего определенного, кроме того, что он тут был. Цветы закрывали его почти полностью.

– Извините... – то и дело доносилось из глубины чудо-букета. – Простите!

– Черт подери! – вырвалось у Ломова.

Встревоженная его тоном, Амалия обернулась к нему:

– В чем дело, Сергей Васильевич?

– Антон Филиппыч! – мрачно ответил ее сообщник. – Я вам говорил, что этот олух влюбился в госпожу Кассини? Ну так вот, он здесь!

– С цветами?

– При чем тут цветы? Ну да, с цветами... Да вы не туда смотрите, левее, еще левее!

Повинуясь его указаниям, Амалия повернула голову и действительно увидела спешащего со всех ног к поезду агента Непомнящего. Он размахивал букетом из алых роз, как шпагой, а его лицо сияло восторгом.

– Ну что с таким делать? – проворчал сквозь зубы Ломов. – Мочить, не иначе!

Однако если перед незнакомцем с садами Семирамиды пораженная толпа раздалась как-то сама собой, то Антону Филипповичу повезло куда меньше. Корреспонденты, фотографы, зеваки, поклонники приезжих звезд как по сигналу сомкнули свои ряды, и Непомнящий разбился о них, как разбивается пена о неприступный утес. Он завертелся волчком, заметался, пытаясь прорваться к вагону первого класса, но толпа упорно игнорировала влюбленного и не пускала туда, где уже открыли дверцу, а начальник вокзала тщетно призывал господ встречающих не толпиться и не мешать проходу пассажиров, и...

Тут на лесенку вагона, спускающуюся к перрону, ступила женская ножка в элегантном сапожке. Толпа взволнованно сказала: «Ах!» и зачарованно подалась назад.

Вслед за ножкой показалось сиреневое платье, поверх которого было надето отороченное мехом пальто, и было последнее так ладно скроено, так просто и вместе с тем так изысканно, что становилось как-то даже не по себе от того, что в мире может безнаказанно существовать такое совершенство.

Впрочем, и платье, и пальто, и даже соболиная муфта, которую дама держала в руках, были всего лишь ничего не значащим довеском к обладательнице ножки, которая была так хороша, насколько вообще может быть хороша женщина в расцвете молодости и упоительной красоты.

У Лины Кассини были идеальные черты лица, а головка была так царственно посажена на изящной шее, как бывает только у какой-нибудь сказочной принцессы – сказочной, потому что в нашей реальности принцессы обнаруживают сходство скорее с мочалками, причем изрядно потрепанными жизнью. Из-под густых ресниц блестели выразительные темные глаза, улыбка тронула губы красавицы, как только она увидела предназначенный ей незнакомым воздыхателем колоссальный букет, – тот самый, который лжемайор Ломов непочтительно обозвал копной.

Трепеща, начальник вокзала подал госпоже Кассини руку и помог спуститься на перрон. Тотчас же их окружила взволнованная толпа.

– Госпожа Кассини...

– Сударыня!

– В честь вашего появления в нашей стране... Черт возьми, как это сказать по-французски?

– Она итальянка...

– Да какая разница? Пела во Франции, значит, говорит по-французски...

Лина окинула царственным взором всех этих взволнованных недотеп, которые говорили разом, мешая русские и французские слова, и повернулась к единственному человеку, который до сих пор не промолвил ни слова, – обладателю чудо-букета. Судя по всему, незнакомец наконец-то сумел справиться с ним, потому что не без усилия отвел букет в сторону, и прямо в душу певичке поглядели невероятные голубые глаза.

– Сударыня, – очень вежливо спросил обладатель глаз на неплохом французском, – я имею честь говорить с несравненной мадам Фелис, не так ли?

Улыбка мигом слетела с лица Лины. Теперь если бы кто и сравнил ее с принцессой, то исключительно с рассерженной.

– Нет! – надменно бросила она. – Как вы могли принять меня за эту погонщицу мулов?

– Простите, – жалобно промолвил ее собеседник, – я ужасно близорук! От души надеюсь, что не обидел вас...

Лина посмотрела на этого глупца, раздумывая, испепелить его взором или нет, но в конце концов ограничилась тем, что просто отвернулась. Фотографы в экстазе снимали почти без перерыва.

Тут из глубины вагона донесся какой-то жуткий звук, нечто среднее между рыком и мяуканьем, и через минуту перед толпой предстала невысокая дама в шляпе величиной с мельничное колесо, на которую было навёрчено чудовищное количество перьев и искусственных цветов. На этой даме было уже не пальто, а шуба в пол, распахнутая с таким расчетом, чтобы было видно бесподобное жемчужное ожерелье – раньше принадлежавшее некоей королеве, – ожерелье висело на шее в три ряда.

– Карамба! – рявкнула дама по-испански. – Розита, чего ты там возишься? Веди сюда Боско, да поживее!

Следом за дамой показалась молоденькая зашуганная горничная, которая тащила за собой на поводке настоящего гепарда. Он упирался изо всех сил и, судя по всему, издавал как раз те звуки, которые озадачили присутствующих минуту назад.

– Из-за тебя и этой паршивой зверюги я выхожу из вагона второй, – прошипела дама Розите. – Никогда тебе этого не прощу!

Она тряхнула головой так, что все перья и цветы заколыхались и заходили волнами, и, подбоченясь, с милостивой улыбкой стала позировать фотографам. Почти забыв про Лину, они переключились на Марию Фелис.

– О! О! А гепард-то настоящий!

– Это правда, что он уже покусал не одного ее поклонника?

– А правда, что это подарок богемского кронпринца?

– А правда, что...

Амалия перестала слушать. Если говорить о красоте, то, пожалуй, моя героиня отдала бы пальму первенства Лине, потому что у Марии Фелис были слишком хищные ноздри и слишком низкий лоб; но в то же время в Лине было что-то от статуи, нечто застывшее и меланхолическое, в то время как испанка вся словно полыхала невидимым огнем. Она метнула взгляд на господина с чудо-букетом и приветственно оскалилась.

– Синьора Фелис, – объявил обладатель букета, – меня зовут Казимир Браницкий, и от имени всех нас я счастлив приветствовать вас в России и вручить вам этот скромный подарок.

Тут только изумленная Амалия признала в говорящем своего дядюшку.

– Щучья холера! Что это он задумал? – вырвалось у нее.

А Казимир тем временем уже завладел ручкой Марии Фелис и поцеловал ее так галантно, словно был каким-нибудь принцем, а не бедным шляхтичем на иждивении у своей племянницы, которая стояла сейчас в десятке шагов от него, кусая губы.

Нет, ну вы поймите: после того как Казимир пообещал не встречать Лину Кассини у поезда, после того как Амалия достала приглашения на именины супруги посла, после всех усилий и детально обговоренных планов... – все поломать, просто все, купить эти дурацкие цветы и явиться сюда, с ходу восстановив против себя женщину, которую он должен был, наоборот, расположить к себе... Ведь это же черт знает что такое!

– Вот босяк, – брякнул у нее над ухом Ломов. – Шею ему свернуть мало!

В кои-то веки баронесса Корф была совершенно с ним согласна.

Глава шестая, в которой перед Амалией маячит тень провала, а Казимир не испытывает угрызений совести

Если вечером в среду уже можно было бы подвести какие-то итоги, то они казались совершенно неутешительными.

Во-первых, Казимир проштрафился и по совершенно непонятной причине перевернул все с ног на голову. Вместо того чтобы обхаживать итальянку, он подкатил к испанке, и нельзя сказать, чтобы совсем безуспешно.

Во-вторых, Антон Филиппович Непомнящий все-таки прорвался к итальянской диве, поломав по пути к ней половину роз, и всучил ей букет, преобильно уколов шипами. Более того, он громогласно выразил надежду на то, что они еще встретятся и вообще он не прочь неотлучно находиться при ней все то время, что она будет в России.

В-третьих, когда Казимир вернулся домой и Амалия накинулась на него, требуя ответа, какого черта он посмел поставить на карту план тщательно разработанной операции, дядюшка только сделал огромные глаза.

– Если ты настаиваешь, – сказал он, – я могу все тебе объяснить!

– Не нужны мне твои объяснения! – завелась Амалия. – Ты подвел меня, да что там – ты всех нас подвел!

Тут, само собой, вмешалась Аделаида Станиславовна, учуявшая, что ее ненаглядного Казимирчика опять хотят обидеть.

– Как ты разговариваешь с моим братом, Амалия? – возмутилась она.

Чувствуя в душе ужасную, опустошающую безнадежность, Амалия только махнула рукой и отошла к окну. Она прекрасно понимала, что объясняться с Казимирчиком или вызывать к его совести можно было с таким же успехом, с каким, к примеру, вопрошать у Северного полюса, отчего он не экватор.

У Сергея Васильевича Ломова были свои заботы. Поздно вечером он приехал домой к генералу Багратионову (если того требовали интересы дела, Петр Петрович был готов обсуждать рабочие проблемы в любое время суток) и доложил, что министр отправил Лине Кассини записку, в которой просил о встрече. К письму, вероятно, для вящей убедительности он приложил букет орхидей и массивный бриллиантовый браслет.

– А что она? – желчно спросил Петр Петрович.

– Пока не сказала ни да, ни нет. В ответном письме она написала, что до концерта будет чрезвычайно занята, но как только у нее образуется свободное время, она тотчас же даст ему знать. – Сергей Васильевич выдержал крохотную паузу и продолжил: – Как хотите, но, по моему, на план баронессы Корф рассчитывать не приходится. Певичку надо замочить.

– Нехорошо получается, – проворчал Багратионов, – она только приехала, и тут же ее шлепнули. Нет, мы пока не будем торопиться, тем более что она, судя по всему, не рвется видаться сам знаешь с кем.

Тут Ломов вспомнил, что Багратионов не слишком ладит с министром внутренних дел. А ну как действительно Лину Кассини убьют, а расследование вдруг выявит причастность Особой службы? Полицейских принято считать туповатыми, но попадаются и среди них такие асы, которые могут раскопать что угодно – как в прямом, так и в переносном смысле. И что тогда? Капут Багратионову, как пить дать капут. И даже если он удержится на посту, не исключено, что из самого Ломова сделают козла отпущения, а хуже этого вообще трудно что-то придумать.

– Вы знаете, что всегда можете на меня рассчитывать, – сказал Сергей Васильевич.

Но Багратионов только повторил, что им не следует торопиться, и человек с легендой майора в отставке откланялся.

В четверг шпионы Ломова (а их у него имелось предостаточно) засекли Казимира в коридоре гостиницы возле апартаментов, которые занимала Мария Фелис. Дверь отворила хорошенькая горничная.

– Сеньоры сейчас нет, – объявила она, немного коверкая французские слова. – Она в театре, на репетиции.

– Знаю, – ответил Казимирчик. – Поэтому я здесь.

Розита заинтересовалась:

– Разве вам не нужна моя хозяйка?

– То, что я вижу, гораздо лучше, – объявил Казимирчик.

Горничная потупилась. Она повидала на своем веку немало господ, которые пытались проникнуть в спальню ее хозяйки через постель Розиты, и не питала никаких иллюзий насчет мужчин.

– Придумайте что-нибудь получше, – задорно посоветовала она, блеснув черными глазами.

– Зачем? – безмятежно ответил Казимирчик. – Все уже придумано до меня, – добавил он, косясь в ее декольте. – И вообще я собирался пригласить тебя пообедать, если ты не против.

– О, да вы хитрец, – сказала Розита, грозя ему пальцем. – Мы будем есть, а вы станете задавать мне всякие вопросы насчет моей хозяйки...

– Твоя хозяйка меня не интересуется.

– Ну да! И поэтому вы приволокли ей тот громадный букет? Нам пришлось взять напрокат десяток ваз, а оставшиеся цветы положить в ванну...

– Это не мой букет, – покачал головой Казимирчик. – И его должен был вручать другой человек, но он заболел. Поэтому он попросил меня подарить цветы за него. Я вообще, если хочешь знать, не люблю толпу и хожу на вокзал, только если мне самому надо ехать куда-то...

Видели вы когда-нибудь кота, который тащит в когтях вашу любимую птичку, чтобы полакомиться ею в укромном месте? И тут – вот незадача! – на его пути возникает вы. Вы тотчас же узнаете птичку, которая только вчера так звонко, так заливисто пела, а теперь обмякла всем тельцем в пасти хвостатого супостата. Вы в негодовании: как он мог? Разве вы плохо его кормили? Разве вы дурно с ним обращались? За что негодный кот так жестоко с вами обошелся – любимая птичка – чудовищная низость – о горе, горе! И кот смиряется. Он кладет свою добычу на землю. Бархатными шагами он подходит к вам, гипнотизирует своим взглядом... Он весь покорность, весь недоумение. Какая птичка, хозяйка? При чем тут я? Ах, эта... Он мурлычет, кружит у ваших ног. Вас начинают обуревать сомнения: ведь невозможно прикончить птичку и вертеться вокруг вас так умильно, с такой нежностью на морде. Конечно же, вы ошиблись. Ну разумеется! Птичка умерла от какой-нибудь неизлечимой болезни, а кот нашел ее трупик и нес куда-нибудь подальше, дабы не травмировать ваш чувствительную душу. Это случайное совпадение, а вы были уже готовы обрушиться на бедное животное, которое не сделало ничего плохого! И, в конце концов, всегда можно купить другую птичку, ведь птичек так много... Смягчившись, вы чешете кота за ушком, он мурчит, и на вашу душу после решения сложнейшей проблемы нисходят мир и покой.

Повторяем: Розиту было непросто провести, она изначально намеревалась не верить ни единому слову Казимирчика, но в это мгновение она чувствовала себя в точности как хозяйка той самой птички. Ей очень хотелось поверить собеседнику – но инстинктивно она опасалась, что он может ее одурачить и интересуется ею самой только для отвода глаз.

Тут из глубины номера донеслось злобное урчание, и Казимир вздохнул.

– Ну что ж, на нет и суда нет, – благодушно заключил он. – Разумеется, если ты предпочитаешь сидеть одна с этой дикой кошкой...

Тут Розита приняла решение.

– Я пойду с вами, – быстро сказала она. – Но больше ничего не обещаю.

– Аразве я о чем-то просил? – искренне изумился Казимир.

Розите понадобилось всего несколько минут для того, чтобы переодеться, и когда она снова вышла в коридор, то показалась ему еще красивее, чем в переднике и кружевной наколке на черных волосах. По правде говоря, горничная была готова к тому, что ее отведут в заведение попроще, и то, что Казимир привез ее в дорогой ресторан, да еще запросил отдельный кабинет, приятно удивило ее.

– Вы, наверное, миллионер! – сказала она, смеясь и сверкая белыми зубами, которые казались еще белее на оживленном смуглом лице.

Казимирчик сделал легкую гримасу, которая намекала на то, что он не то чтобы миллионер, но может себе позволить делать что хочет и даже кутить с горничной в самом дорогом петербургском ресторане.

– У них тут есть помощник повара – испанец, – сказал он. – Позвать его, может быть, нам подадут блюда, к которым ты привыкла? Или попробуешь что-нибудь из русской кухни?

Но Розита пожелала видеть испанца, который тотчас же явился, и после оживленной беседы с ним на родном языке объявила, что уже заказала все, что хотела.

– Может быть, возьмем шампанского? – предложил Казимир, сделав свой заказ.

«Ага, чтобы ты меня напоил, – подумала Розита. – Держи карман шире!»

– Я больше пиво люблю, – сказала она вслух.

– Надо же, я тоже, – обрадовался Казимир. – Еще пива, пожалуйста.

Когда испанец удалился, Розита поерзала на месте и неожиданно выпалила:

– Он сказал, что ты не миллионер.

– И что? – вполне равнодушно спросил Казимир.

– Значит, ничего ты у моей хозяйки не добьешься, – с грубоватой прямоотой заявила Розита. – Она любит только тех, у кого есть деньги. Много денег, понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.